

КРАСНОУСЫЙ ДЕТЯ

П. П. БАЖОВ
КАМЕННЫЙ
ЦВЕТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖНИК
РСФСР
ЛЕНИНГРАД
1972

П. П. БАЖОВ

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Г. К. БУРЕЕВА И А. В. КОВАЛЕВА

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Н

е одни мраморски на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, сказывают, это мастерство имели. Та только различка, что наши больше с малахитом возгались, как его было довольно и сорт — выше нет. Вот из этого малахиту и выделывали подходяще. Такие, слышь-ко, штучки, что диву дашься: как помогло?

Был в ту пору мастер Прокопич. По этим делам первый. Лучше его никто не мог. В пожилых годах был.

Вот барин и велел приказчику поставить к этому Прокопичу парнишек на выучку.

— Пущай-де переймут всё до тонкости.

Только Прокопич, — то ли жаль ему было расставаться со своим мастерством, то ли ещё что, — учил шибко худо. Всё у него с рывка да с тычка. Насадит парнишке по всей голове шишек, уши чуть не оборвёт да и говорит приказчику:

— Не гожд этот... Глаз у него неспособный, рука не несёт. Толку не выйдет.

Приказчику, видно, заказано было уболагодворять Прокопича.

— Не гожд так не гожд... Другого дадим... — И нарядит другого парнишку.

Ребятишки прослышали про эту науку... Спозаранку ревут, как бы к Прокопичу не попасть. Отцам-матерям тоже не сладко родного дитёнка на зряшную муку отдавать, — выгораживать стали своих-то, кто как мог. И то сказать, нездорово это мастерство, с малахитом-то. Отрава чистая. Вот и оберегаются люди.

Приказчик всё-таки помнит баринов наказ — ставит Прокопичу учеников.

Тот по своему порядку помытарит парнишку, да и сдаст обратно приказчику.

— Не гожд этот...

Приказчик взъедаться стал:

— До какой поры это будет? Не гожд да не гожд, когда гожд будет?
Учи этого

Прокопчыч, знай своё:

— Мне что Хоть десять годов учить буду, а толку из этого парнишки не будет

— Какого тебе ещё?

— Мне хоть и вовсе не ставь, — об этом не скучаю

Так вот и перебрали приказчик с Прокопчычем много ребятишек, а толк один: на голове шишки, а в голове — как бы убежать. Нарочно которые портили, чтобы Прокопчыч их прогнал.

Вот так-то и дошло дело до Данилки Недокормыша. Сиротка круглый был этот парнишечко. Годов поди тогда двенадцати, а то и боле. На ногах высоконький, а худой-расхудой, в чём душа держится. Ну, а с лица чистенький. Волосёнки кудрявеньки, глазёнки голубеньки. Его и взяли сперва в казачки при господском доме: табакерку, платок подать, сбегать куда и протча. Только у этого сиротки дарованья к такому делу не оказалось. Другие парнишки на таких-то местах вьюнами вьются. Чуть что — на вытяжку: что прикажете? А этот Данилко забьётся куда в уголок, уставится глазами на картину какую, а то на украшеньё, да и стоит. Его кричат, а он и ухом не ведёт. Били, конечно, по началу-то, потом рукой махнули.

— Блаженный какой-то! Тихоход! Из такого хорошего слуги не выйдет.

На заводскую работу либо в гору всё-таки не отдали — шибко жидко место, на неделю не хватит. Поставил его приказчик в подпаски. И тут Данилко не вовсе гожд пришёлся. Парнишечко ровно старательный, а всё у него оплошка выходит. Всё будто думает о чём-то. Уставится глазами на травинку, а коровы-то — вон где! Старый пастух ласковый попался, жалел сироту, и тот временем ругался:

— Что только из тебя, Данилко, выйдет? Погубишь ты себя, да и мою старую спину под бой подведёшь. Куда это годится? О чём хоть думка-то у тебя?

— Я и сам, дедко, не знаю Так . ни о чём . Засмотрелся маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней жёлтенько выглядывает, а листок широконький . По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зелёная-презелёная, ровно её сейчас выкрасили . А букашка-то и ползёт

— Ну, не дурак ли ты, Данилко? Твоё ли дело букашек разбирать? Ползёт она — и ползи, а твоё дело за коровами глядеть. Смотри у меня, выбрось эту дурь из головы, не то приказчику скажу!

Одно Данилушке далось. На рожке он играть научился — куда старику! Чисто на музыке какой. Вечером, как коров пригонят, девки-бабы просят:

— Сыграй, Данилушко, песенку.

Он начнёт наигрывать. И песни всё незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, птички на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит. Шибко за те песенки стали женщины привечать Данилушку. Кто пониточек починит, кто холста на онучи отрежет, рубашонку новую сошьёт. Про кусок и разговору нет, — каждая норовит дать побольше да послаще. Старику пастуху тоже Данилушковы песни по душе пришлись. Только и тут маленько неладно выходило. Начнёт Данилушко наигрывать и всё забудет, ровно и коров нет. На этой игре и пристигла его беда.

Данилушко, видно, заигрался, а старик задремал помалости. Сколько-то коровёнок у них и отбилось. Как стали на выгон собирать, глядят — той нет, другой нет. Искать кинулись, да где тебе. Пасли около Ельничной . . . Самое тут волчье место, глухое . . . Одну только коровёнку и нашли. Пригнали стадо домой . . . Так и так, обсказали. Ну, из завода тоже побежали-поехали на розыски, да не нашли.

Расправа тогда, известно, какая была. За всякую вину спину кажи. На грех ещё одна-то корова из приказчиьего двора была. Тут и вовсе спуску не жди. Растянули сперва старика, потом и до Данилушки дошло, а он худенький да тощенький. Господский палач оговорился даже.

— Экой-то, — говорит, с одного разу сомлеет, а то и вовсе душу выпустит.

Ударил всё-таки — не пожалел, а Данилушко молчит. Палач его вдругорядь — молчит, втретью — молчит. Палач тут и расстервенился, давай польсать со всего плеча, а сам кричит:

— Я тебя, молчуна, доведу Дашь голос . Дашь!

Данилушко дрожит весь, слезы каплют, а молчит. Закусил губёнку-то и укрепился. Так и сомлел, а словечка от него не слышали. Приказчик, — он тут же, конечно, был, — удивился:

— Какой ещё терпеливый выискался! Теперь знаю, куда его поставить, коли живой останется.

Отлежался-таки Данилушко. Бабушка Вихориха его на ноги поставила. Была, сказывают, старушка такая. Вместо лекаря по нашим заводам на большой славе была. Силу в травах знала: которая от зубов, которая от надсады, которая от ломоты . . . Ну, всё как есть. Сама те травы собирала в самое время, когда какая трава полную

силу имела. Из таких трав да корешков настойки готовила, отвары варила да с мазями мешала.

Хорошо Данилушке у этой бабушки Вихорихи пожилось. Старушка, слышь-ко, ласковая да словоохотливая, а трав да корешков, да цветков всяких у ней засушено да навешано по всей избе. Данилушко к травам-то любопытен — как эту зовут? где растёт? какой цветок? Старушка ему и рассказывает.

Раз Данилушко и спрашивает:

— Ты, бабушка, всякий цветок в наших местах знаешь?

— Хвастаться, — говорит, — не буду, а все будто знаю, какие открытые-то.

— А разве, — спрашивает, — ещё не открытые бывают?

— Есть, — отвечает, — и такие. Папору вот слышал? Она будто цветёт на Иванов день. Тот цветок колдовской. Клады им открывают. Для человека вредный. На разрыв-траве цветок — бегучий огонёк. Поймай его — и все тебе затворы открыты. Воровской это цветок. А то ещё каменный цветок есть. В малахитовой горе будто растёт. На змеиный праздник полную силу имеет. Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит.

— Чем, бабушка, несчастный?

— А это, дитёнок, я и сама не знаю. Так мне сказывали.

Данилушко у Вихорихи, может, и подольше бы пожил, да приказчиковы вестовщики углядели, что парнишко мало-мало ходить стал, и сейчас к приказчику. Приказчик Данилушку призвал да и говорит:

— Иди-ко теперь к Прокопичу — малахитному делу обучаться. Самая там по тебе работа.

Ну, что сделаешь? Пошёл Данилушко, а самого ещё ветром качает.

Прокопич поглядел на него, да и говорит:

— Ещё такого не доставало. Здоровым парнишкам здешняя учёба не по силе, а с такого что взыщешь — еле живой стоит.

Пошёл Прокопич к приказчику.

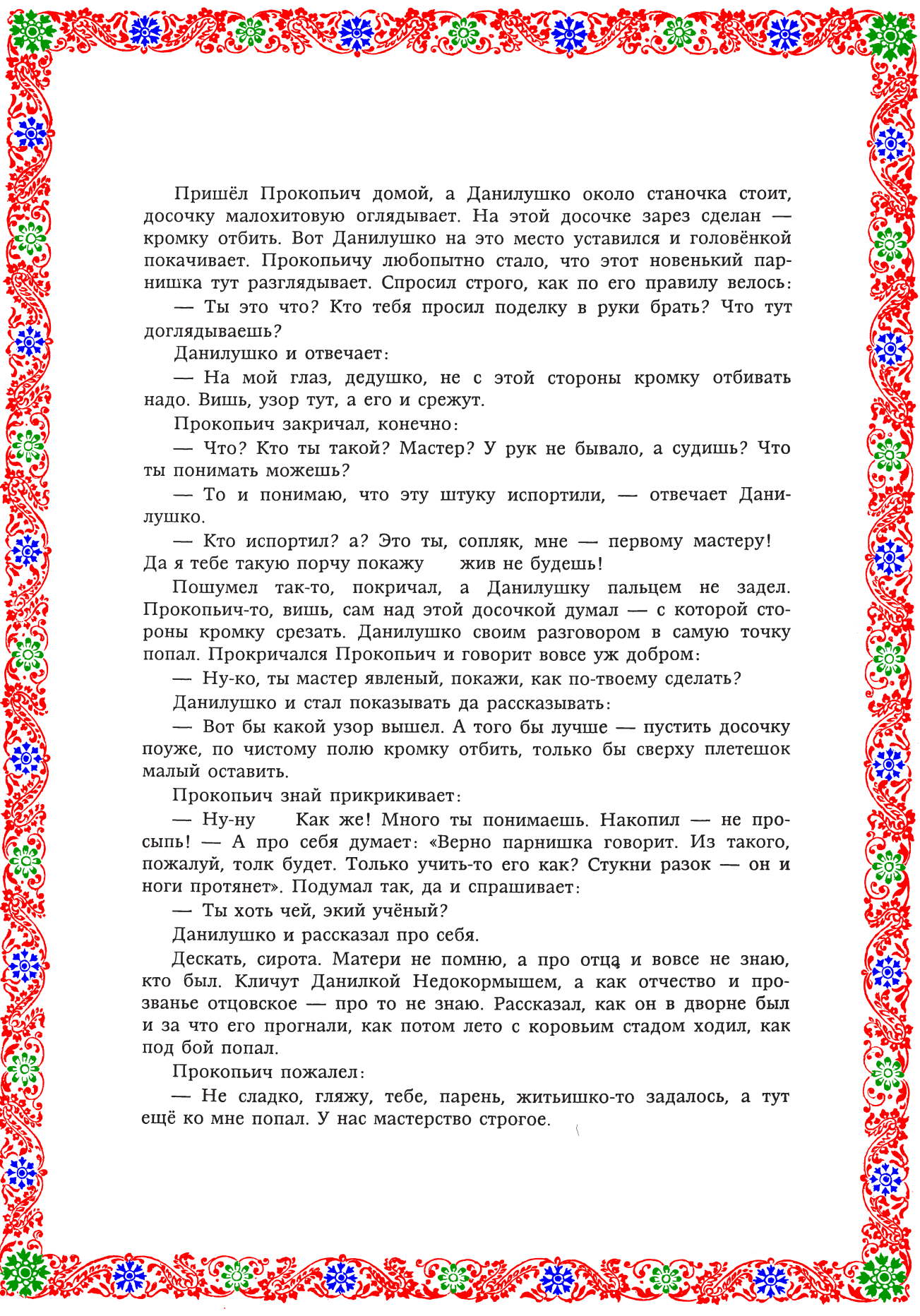
— Не надо такого. Ещё ненароком убьёшь — отвечать придётся.

Только приказчик — куда тебе, слушать не стал:

— Дано тебе — учи, не рассуждай! Он — этот парнишка — крепкий. Не гляди, что жиденький.

— Ну, дело ваше, — говорит Прокопич, — было бы сказано. Буду учить, только бы к ответу не потянули.

— Тянуть некому. Одинокий этот парнишка, что хочешь с ним делай, — отвечает приказчик.

Пришёл Прокопъич домой, а Данилушко около станочка стоит, досочку малоохитовую оглядывает. На этой досочке зарез сделан — кромку отбить. Вот Данилушко на это место устался и головёнкой покачивает. Прокопъичу любопытно стало, что этот новенький парнишка тут разглядывает. Спросил строго, как по его правилу велось:

— Ты это что? Кто тебя просил поделку в руки брать? Что тут доглядываешь?

Данилушко и отвечает:

— На мой глаз, дедушко, не с этой стороны кромку отбивать надо. Вишь, узор тут, а его и срежут.

Прокопъич закричал, конечно:

— Что? Кто ты такой? Мастер? У рук не бывало, а судишь? Что ты понимать можешь?

— То и понимаю, что эту штуку испортили, — отвечает Данилушко.

— Кто испортил? а? Это ты, сопляк, мне — первому мастеру! Да я тебе такую порчу покажу жив не будешь!

Пошумел так-то, покричал, а Данилушку пальцем не задел. Прокопъич-то, вишь, сам над этой досочкой думал — с которой стороны кромку срезать. Данилушко своим разговором в самую точку попал. Прокричался Прокопъич и говорит вовсе уж добром:

— Ну-ко, ты мастер явленный, покажи, как по-твоему сделать?

Данилушко и стал показывать да рассказывать:

— Вот бы какой узор вышел. А того бы лучше — пустить досочку поуже, по чистому полю кромку отбить, только бы сверху плетешок малый оставить.

Прокопъич знай прикрикивает:

— Ну-ну Как же! Много ты понимаешь. Накопил — не просыпь! — А про себя думает: «Верно парнишка говорит. Из такого, пожалуй, толк будет. Только учить-то его как? Стукни разок — он и ноги протянет». Подумал так, да и спрашивает:

— Ты хоть чей, экий учёный?

Данилушко и рассказал про себя.

Дескать, сирота. Матери не помню, а про отца и вовсе не знаю, кто был. Кличут Данилкой Недокормышем, а как отчество и прозвание отцовское — про то не знаю. Рассказал, как он в дворне был и за что его прогнали, как потом лето с коровьим стадом ходил, как под бой попал.

Прокопъич пожалел:

— Не сладко, гляжу, тебе, парень, житьишко-то задалось, а тут ещё ко мне попал. У нас мастерство строгое.

Потом будто рассердился, заворчал:

— Ну, хватит, хватит! Вишь, разговорчивый какой! Языком-то — не руками, — всяк бы работал. Целый вечер лясы да балясы! Ученичок тоже! Погляжу вот завтра, какой у тебя толк. Садись ужинать, да и спать пора.

Прокопъич одиночкой жил. Жена-то у него давно умерла. Старушка Митрофановна из соседей снаходу у него хозяйство вела. Утрами ходила постряпать, сварить чего, в избе прибрать, а вечерами Прокопъич сам управлял, что ему надо.

Поели, Прокопъич и говорит:

— Ложись вон тут на скамеечке!

Данилушко разулся, котомку свою под голову, понитком закрылся, поёжился маленько, — вишь, холодно в избе-то было по осеннему времени, — всё-таки вскорости уснул. Прокопъич тоже лёг, а уснуть не мог: всё у него разговор о малахитовом узоре из головы нейдёт. Ворочался-ворочался, встал, зажёл свечку да и к станку — давай эту малахитову досочку так и сядь примерять. Одну кромку закроет, другую прибавит поле, убавит. Так поставит, другой стороной повернёт, и всё выходит, что парнишка лучше узор понял.

— Вот тебе и Недокормышек! — дивится Прокопъич. — Ещё ничем-ничего, а старому мастеру указал. Ну, и глазок. Ну, и глазок!

Пошёл потихоньку в чулан, притащил оттуда подушку да большой овчинный тулуп. Подсунул подушку Данилушке под голову, тулупом накрыл.

— Спи-ко, глазастый!

А тот и не проснулся, повернулся только на другой бочок, растянулся под тулупом-то — тепло ему стало, — и давай насвистывать носом полегоньку. У Прокопъича своих ребят не бывало, этот Данилушко и припал ему к сердцу. Стоит мастер, любитесь, а Данилушко знай посвистывает, спит себе спокойненько. У Прокопъича забота — как бы этого парнишку хорошенько на ноги поставить, чтоб не такой тощий да нездоровый был.

— С его ли здоровышком нашему мастерству учиться. Пыль, отрава, — живо зачахнет. Отдохнуть бы ему сперва, поправиться, потом учить стану. Толк, видать, будет.

На другой день и говорит Данилушке:

— Ты спервоначалу по хозяйству помогать будешь. Такой у меня порядок заведён. Понял? Для первого разу сходи за калиной. Её иньями прихватило, — в самый раз она теперь на пироги. Да, гляди, не ходи далеко-то. Сколь наберёшь — то и ладно. Хлеба возьми полишку, — естся в лесу-то, — да ещё к Митрофановне зайди. Говорил

ей, чтоб тебе пару яичек испекла да молока в туесочек плеснула. Понял?

На другой день опять говорит:

— Поймай-ко ты мне щеглѣнка поголосистее да чечѣтку побойче. Гляди, чтобы к вечеру были. Понял?

Когда Данилушко поймал и принес, Прокопъич говорит:

— Ладно, да не вовсе. Лови других.

Так и пошло. На каждый день Прокопъич Данилушке работу даёт, а все забава. Как снег выпал, велел ему с соседом за дровами ездить — пособишь-де. Ну, а какая подмога! Вперѣд на санях сидит, лошадью правит, а назад за возом пешком идѣт. Промнѣтся так-то, поест дома, да спит покрепче. Шубу ему Прокопъич справил, шапку тёплую, рукавицы, пимы на заказ скатали. Прокопъич, видишь, имел достаток. Хоть крепостной был, а по оброку ходил, зарабатывал маленько. К Данилушке-то он крепко прилип. Прямо сказать, за сына держал. Ну, и не жалел для него, а к делу своему не подпускал до времени.

В хорошем-то житѣ Данилушко живо поправляться стал и к Прокопъичу тоже прильнул. Ну, как! — понял Прокопъичеву заботу, в первый раз так-то пришлось пожить. Прошла зима. Данилушке и вовсе вольготно стало. То он на пруд, то в лес. Только и к мастерству Данилушко присматривался. Прибежит домой, и сейчас же у них разговор. То, другое Прокопъичу расскажет да и спрашивает — это что да это как? Прокопъич объяснит, на деле покажет. Данилушко примечает. Когда и сам примется. «Ну-ко я .» — Прокопъич глядит, поправит, когда надо, укажет, как лучше.

Вот как-то раз приказчик и углядел Данилушку на пруду. спрашивает своих-то вестовщиков:

— Это чей парнишка? Который день его на пруду вижу. По будням с удочкой балуется, а уж не маленький. Кто-то его от работы прячет

Узнали вестовщики, говорят приказчику, а он не верит.

— Ну-ко, — говорит, — тащите парнишку ко мне, сам дознаюсь. Привели Данилушку. Приказчик спрашивает:

— Ты чей?

Данилушко и отвечает:

— В ученье, дескать, у мастера по малахитному делу.

Приказчик тогда хватъ его за ухо.

— Так-то ты, стервец, учишься! — Да за ухо и повѣл к Прокопъичу.

Тот видит — неладно дело, давай выгораживать Данилушку:

— Это я сам его послал окуньков половить. Сильно о свеженьких-то окуньках скучаю. По нездоровью моему другой еды принимать не могу. Вот велел парнишке половить.

Приказчик не поверил. Смекнул тоже, что Данилушко вовсе другой стал: поправился, рубашонка на нём добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнёшки. Вот и давай проверку Данилушке делать:

— Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?

Данилушко запончик надел, подошёл к станку и давай рассказывать да показывать. Что приказчик спросит — у него на всё ответ готов. Как околтать камень, как распилить, фасочку снять, чем когда склеить, как полер навести, как на медь присадить, как на дерево. Одним словом, всё как есть.

Пытал-пытал приказчик да и говорит Прокопичу:

— Этот, видно, гош тебе пришелся?

— Не жалуясь, — отвечает Прокопич.

— То-то, не жалуешься, а баловство разводишь! Тебе его отдали мастерству учиться, а он у пруда с удочкой! Смотри! Таких тебе свежих окуньков отпущу — до смерти не забудешь, да и парнишке не весело станет.

Погрозился так-то, ушёл, а Прокопич дивуется:

— Когда хоть ты, Данилушко, всё это понял? Ровно я тебя ещё и вовсе не учил.

— Сам же, — говорит Данилушко, — показывал да рассказывал, а я примечал.

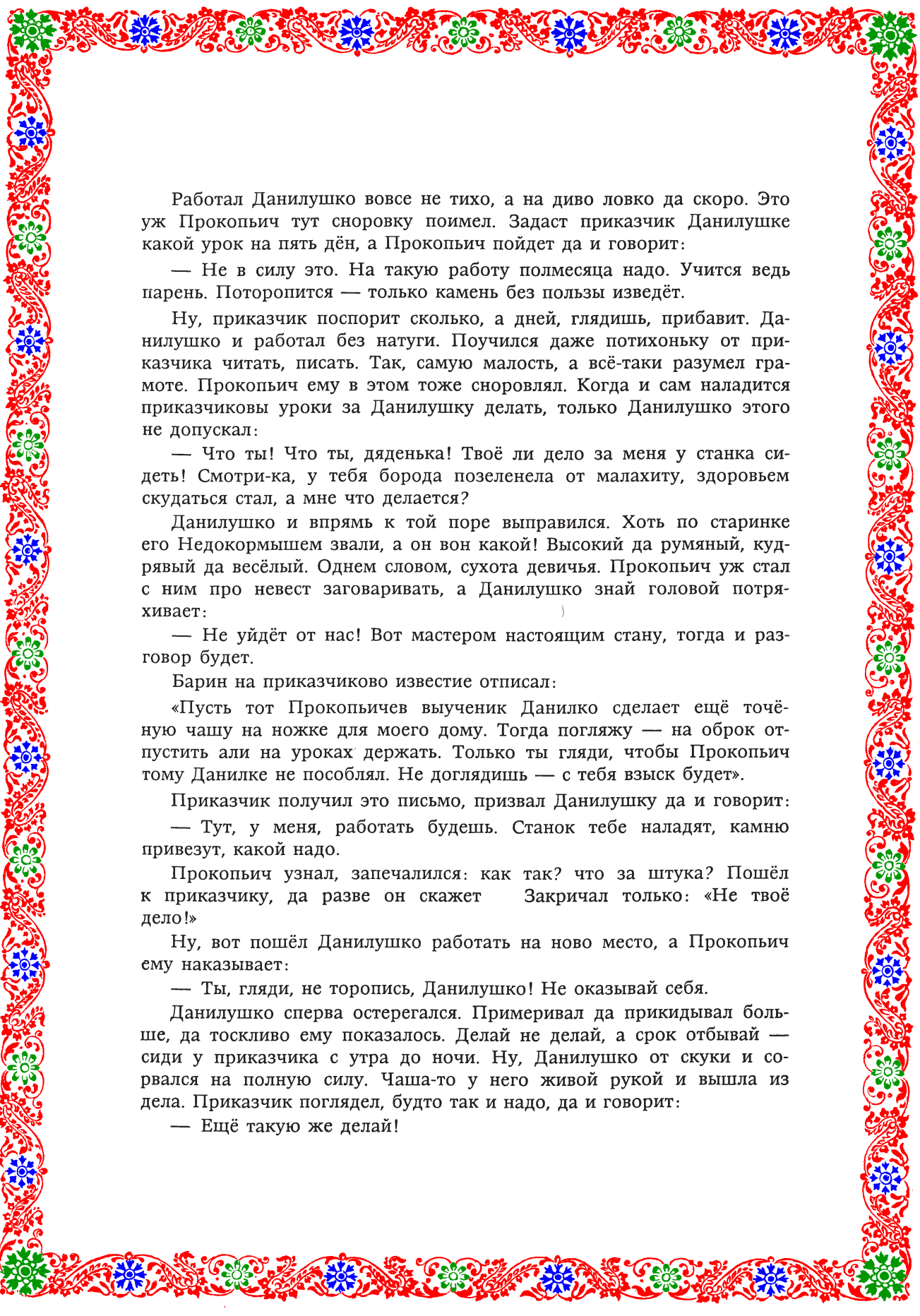
У Прокопича даже слёзы закапали, — до того ему это по сердцу пришлось.

— Сыночек, — говорит, — милый, Данилушко   Что ещё знаю, всё тебе открою   Не потаю

Только с той поры Данилушке не стало вольготного житья. Приказчик на другой день послал за ним и работу на урок стал давать. Сперва, конечно, попроще что: бляшки, какие женщины носят, катулочки. Потом с точкой пошло: подсвечники да украшенья разные. Там и до резьбы доехали. Листочки да лепесточки, узорчики да цветочки. У них ведь — у малахитчиков — дело мешкотное. Пустяковая ровно штука, а сколько он над ней сидит! Так Данилушко и вырос за этой работой.

А как выточил зарукавье-змейку из цельного камня, так его и вовсе мастером приказчик признал. Барину об этом отписал:

«Так и так, объявился у нас новый мастер по малахитному делу — Данилко Недокормыш. Работает хорошо, только по молодости ещё тихо. Прикажете на уроках его оставить али, как и Прокопича, на оброк отпустить?»

Работал Данилушко вовсе не тихо, а на диво ловко да скоро. Это уж Прокопъич тут сноровку поимел. Задаст приказчик Данилушке какой урок на пять дён, а Прокопъич пойдёт да и говорит:

— Не в силу это. На такую работу полмесяца надо. Учится ведь парень. Поторопится — только камень без пользы изведёт.

Ну, приказчик поспорит сколько, а дней, глядишь, прибавит. Данилушко и работал без натуги. Поучился даже потихоньку от приказчика читать, писать. Так, самую малость, а всё-таки разумел грамоте. Прокопъич ему в этом тоже сноровлял. Когда и сам наладится приказчиковы уроки за Данилушку делать, только Данилушко этого не допускал:

— Что ты! Что ты, дяденька! Твоё ли дело за меня у станка сидеть! Смотри-ка, у тебя борода позеленела от малахиту, здоровьем скудаться стал, а мне что делается?

Данилушко и впрямь к той поре выправился. Хоть по старинке его Недокормышем звали, а он вон какой! Высокий да румяный, кудрявый да весёлый. Однем словом, сухота девичья. Прокопъич уж стал с ним про невест заговаривать, а Данилушко знай головой потряхивает:

— Не уйдёт от нас! Вот мастером настоящим стану, тогда и разговор будет.

Барин на приказчиково известие отписал:

«Пусть тот Прокопъичев выученик Данилко сделает ещё точёную чашу на ножке для моего дому. Тогда погляжу — на оброк отпустить али на уроках держать. Только ты гляди, чтобы Прокопъич тому Данилке не пособлял. Не доглядишь — с тебя взыск будет».

Приказчик получил это письмо, призвал Данилушку да и говорит:

— Тут, у меня, работать будешь. Станок тебе наладят, камню привезут, какой надо.

Прокопъич узнал, запечалился: как так? что за штука? Пошёл к приказчику, да разве он скажет. Закричал только: «Не твоё дело!»

Ну, вот пошёл Данилушко работать на ново место, а Прокопъич ему наказывает:

— Ты, гляди, не торопись, Данилушко! Не оказывай себя.

Данилушко сперва остерегался. Примеривал да прикидывал больше, да тоскливо ему показалось. Делай не делай, а срок отбывай — сиди у приказчика с утра до ночи. Ну, Данилушко от скуки и сорвался на полную силу. Чаша-то у него живой рукой и вышла из дела. Приказчик поглядел, будто так и надо, да и говорит:

— Ещё такую же делай!

Данилушко сделал другую, потом третью. Вот когда он третью-то кончил, приказчик и говорит:

— Теперь не увернёшься! Поймал я вас с Прокопъичем. Барин тебе, по моему письму, срок для одной чаши дал, а ты три выточил. Знаю твою силу. Не обманешь больше, а тому старому псу покажу, как потворствовать! Другим закажет!

Так об этом и барину написал и чаши все три предоставил. Только барин, — то ли на него умный стих нашёл, то ли он на приказчика за что сердит был, — всё как есть наоборот повернул.

Оброк Данилушке назначил пустяковый, не велел парня от Прокопъича брать — может-де вдвоём скорее придумают что новенькое. При письме чертёж послал. Там тоже чаша нарисована со всякими штуками. По ободку кайма резная, на поясе лента каменная со сквозным узором, на подножке листочки. Одним словом, придумано. А на чертеже барин подписал: «Пусть хоть пять лет просидит, а чтобы такая в точности сделана была».

Пришлось тут приказчику от своего слова отступить. Объявил, что барин написал, отпустил Данилушку к Прокопъичу и чертёж отдал.

Повеселели Данилушко с Прокопъичем, и работа у них бойчее пошла. Данилушко вскоре за ту новую чашу принялся. Хитрости в ней многое множество. Чуть неладно ударил, — пропала работа, снова начинай. Ну, глаз у Данилушки верный, рука смелая, силы хватит — хорошо идёт дело.

Одно ему не по нраву — трудности много, а красоты ровно и вовсе нет. Говорил Прокопъичу, а он только удивился:

— Тебе-то что? Придумали — значит, им надо. Мало ли я всяких штук выточил да вырезал, а куда они — толком и не знаю.

Пробовал с приказчиком поговорить, так куда тебе. Ногами затопал, руками замахал.

— Ты очумел? За чертёж большие деньги плачены. Художник, может, по столице первый его делал, а ты пересуживать выдумал!

Потом, видно, вспомнил, что барин ему заказывал, — не выдумают ли вдвоём-то чего новенького, — и говорит:

— Ты вот что делай эту чашу по барскому чертежу, а если другую от себя выдумаешь — твоё дело. Мешать не стану. Камня у нас, поди-ко, хватит. Какой надо — такой и дам.

Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять мудрости немного надо, а своё придумать — не одну ночь с боку на бок повертись. Вот Данилушко сидит над этой чашей по чертежу-то, а сам про другое думает. Переводит в голове, какой цветок, какой листок к малахитовому камню лучше подойдёт. Задумчивый стал, невесёлый. Прокопъич заметил, спрашивает:

— Ты, Данилушко, здоров ли? Полегче бы с этой чашей. Куда торопиться? Сходил бы в разгулку куда, а то всё сидишь да сидишь.

— И то, — говорит Данилушко, — в лес хоть сходить. Не увижу ли, что мне надо.

С той поры и стал чуть не каждый день в лес бегать. Время как раз покосное, ягодное. Травы все в цвету. Данилушко остановится где на покосе либо на полянке в лесу и стоит, смотрит. А то опять ходит по покосам да разглядывает траву-то, как ищет что. Людей в ту пору в лесу и на покосах много. спрашивают Данилушку — не потерял ли чего? Он улыбнётся этак невесело, да и скажет:

— Потерять не потерял, а найти не могу.

Ну, которые и заговаривали:

— Неладно с парнем.

А он придёт домой и сразу к станку, да до утра и сидит, а с солнышком опять в лес да на покосы. Листки да цветки всякие домой притаскивать стал, а всё больше из объеди: черемицу да омег, дурман да багульник, да резуну всякие. С лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял. Прокопич вовсе забеспокоился, а Данилушко и говорит:

— Чаша мне покою не даёт. Охота так её сделать, чтобы камень полную силу имел.

Прокопич давай отговаривать:

— На что она тебе далась? Сыты ведь, чего ещё? Пуцай бары тешатся, как им любо. Нас бы только не задевали. Придумают какой узор — сделаем, а навстречу-то им зачем лезть? Лишний хомут надевать — только и всего.

Ну, Данилушко на своём стоит.

— Не для барина, — говорит, — стараюсь. Не могу из головы выбросить ту чашу. Вижу поди-ко, какой у нас камень, а мы что с ним делаем? Точим да режем, да полер наводим, и вовсе ни к чему. Вот мне и припало желанье так сделать, чтобы полную силу камня самому поглядеть и людям показать.

По времени отошёл Данилушко, сел опять за ту чашу, по барскому-то чертежу. Работает, а сам посмеивается:

— Лента каменная с дырками, каёмочка резная.

Потом вдруг забросил эту работу. Другое начал. Без передышки у станка стоит. Прокопичу сказал:

— По дурман-цветку свою чашу делать буду.

Прокопич отговаривать принялся. Данилушко сперва и слушать не хотел, потом, дня через три-четыре, как у него какая-то оплошка вышла, и говорит Прокопичу:

— Ну, ладно. Сперва барскую чашу кончу, потом за свою примусь. Только ты уж тогда меня не отговаривай. Не могу её из головы выбросить.

Прокопич отвечает:

— Ладно, мешать не стану, — а сам думает: «Уходитя парень, забудет. Женить его надо. Вот что! Лишняя дурь из головы вылетит, как семьёй обзаведётся».

Занялся Данилушко чашей. Работы в ней много — в один год не укладёшь. Работает усердно, про дурман-цветок не поминает. Прокопич и стал про женитьбу заговаривать:

— Вот хоть бы Катя Летемина — чем не невеста? Хорошая девушка. Похаять нечем.

Это Прокопич-то от ума говорил. Он, вишь, давно заприметил, что Данилушко на эту девушку сильно поглядывал. Ну, и она не отворачивалась. Вот Прокопич будто ненароком, и заводил разговор. А Данилушко своё твердит:

— погоди! Вот с чашкой управлюсь. Надоела мне она. Того и гляди — молотком стукну, а он про женитьбу! Уговорились мы с Катей. Подождёт она меня.

Ну, сделал Данилушко чашу по барскому чертежу. Приказчику, конечно, не сказали, а дома у себя гулянку маленькую придумали сделать. Катя — невеста-то — с родителями пришла, ещё которые из мастеров же малахитных больше. Катя дивится на чашу.

— Как, — говорит, — только ты ухитрился узор такой вырезать и камня нигде не обломил! До чего всё гладко да чисто обточено!

Мастера тоже одобряют:

— В аккурат-де по чертежу. Придраться не к чему. Чисто сработано. Лучше не сделать, да и скоро. Так-то работать станешь — пожалуй, нам тяжело за тобой тянуться.

Данилушко слушал-слушал, да и говорит:

— То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок самый что ни есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить.

— А где оплошал, — смеются мастера, — там подклеил да полером прикрыл, и концов не найдёшь.

— Вот-вот. А где, спрашиваю, красота камня? Тут прожилка прошла, а ты на ней дырки сверлишь да цветочки режешь. На что они тут? Порча ведь это камня. А камень-то какой! Первый камень! Понимаете, первый!

Горячиться стал. Выпил, видно, маленько.
Мастера и говорят Данилушке, что ему Прокопич не раз говорил:

— Камень — камень и есть. Что с ним сделаешь? Наше дело такое — точить да резать.

Только был тут старичок один. Он ещё Прокопича и тех — других-то мастеров — учил. Все его дедушкой звали. Вовсе ветхий старичоночка, а тоже этот разговор понял, да и говорит Данилушке:

— Ты, милый сын, по этой половице не ходи! Из головы выбрось! А то попадешь к Хозяйке в горные мастера .

— Какие мастера, дедушко?

— А такие в горе живут, никто их не видит. Что Хозяйке понадобится, то они и сделают. Случилось мне раз видеть. Вот работа! От нашей, от здешней, на отличку.

Всем любопытно стало. Спрашивают, — какую поделку видел.

— Да змейку, — говорит, — ту же, какую вы на зарукавье точите.

— Ну, и что? Какая она?

— От здешних, говорю, на отличку. Любой мастер увидит, сразу узнает — не здешняя работа. У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребтик чёрненький, глазки Того и гляди — клюнет. Им ведь что! Они цветок каменный видали, красоту поняли.

Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика. Тот по совести сказал:

— Не знаю, милый сын. Слыхал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет.

Данилушко на это и говорит:

— Я бы поглядел.

Тут Катенька, невеста-то его, так и затрепыхалась:

— Что ты, что ты, Данилушко! Неуж тебе белый свет наскучил? — да в слёзы. Прокопич и другие мастера сметили дело, давай старого мастера насмех подымать:

— Выживаться из ума, дедушко, стал. Сказки сказываешь. Парня зря с пути сбиваешь.

Старик разгорячился, по столу стукнул.

— Есть такой цветок! Парень правду говорит: камень мы не разумеем. В том цветке красота показана.

Мастера смеются:

— Хлебнул, дедушко, лишка!

А он своё:

— Есть каменный цветок!

Разошлись гости, а у Данилушки тот разговор из головы не выходит. Опять стал в лес бегать да около своего дурман-цветка ходить, про свадьбу и не поминает. Прокопъич уж понуждать стал:

— Что ты девушку позоришь? Который год она в невестах ходить будет? Того жди — пересмеивать её станут. Мало смотниц-то?

Данилушко одно своё:

— погоди ты маленько! Вот только придумаю да камень подходящий подберу.

И повадился он на медный рудник — на Гумёшки-то. Когда в шахту спустится, по забоям обойдёт, когда наверху камни перебирает. Раз как-то поворотил камень, оглядел его да и говорит:

— Нет, не тот

Только это промолвил, кто-то и говорит:

— В другом месте поищи У Змеиной горки.

Глядит Данилушко — никого нет. Кто бы это? Шутят, что ли. Будто и спрятаться негде. Поогляделся ещё, пошёл домой, а вслед ему опять:

— Слышишь, Данило-мастер? У Змеиной горки, говорю.

Оглянулся Данилушко — женщина какая-то чуть видна, как туман голубенький. Потом ничего не стало.

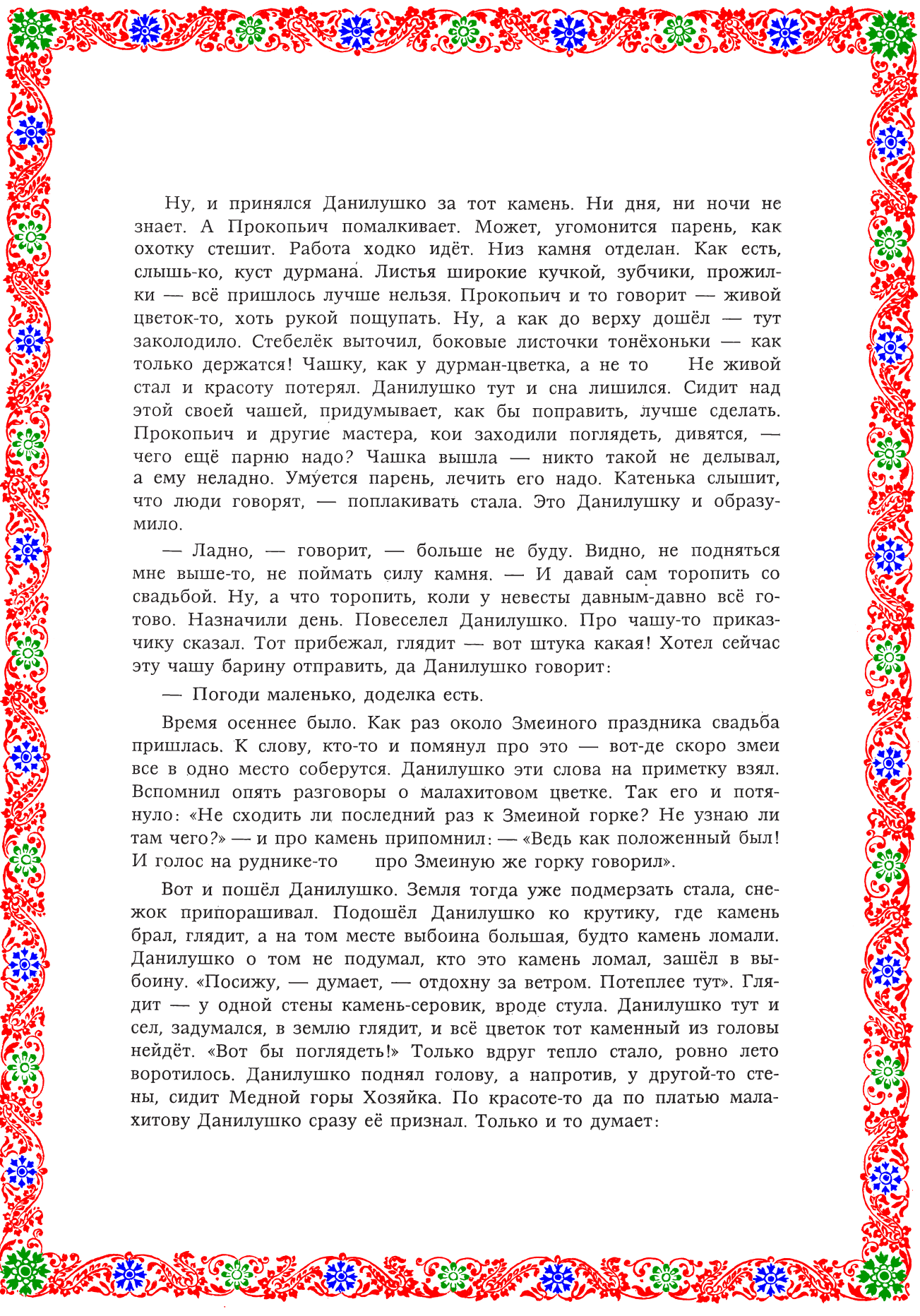
«Что, — думает, — за штука? Неуж с а м а? А что, если сходить на Змеиную-то?»

Змеиную горку Данилушко хорошо знал. Тут же она была, недалеко от Гумёшек. Теперь её нет, давно всю срыли, а раньше камень поверху брали.

Вот на другой день и пошёл туда Данилушко. Горка хоть небольшая, а крутенькая. С одной стороны и вовсе как срезано. Глядельце тут первосортное. Все пласты видно, лучше некуда.

Подошёл Данилушко к этому глядельцу, а тут малахитина выворочена. Большой камень — на руках не унести — и будто обделан вроде кустика. Стал оглядывать Данилушко эту находку. Всё, как ему надо: цвет снизу погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется. Ну, всё как есть. Обрадовался Данилушко, скорей за лошадью побежал, привёз камень домой, говорит Прокопъичу:

— Гляди-ко, камень какой! Ровно нарочно для моей работы. Теперь живо сделаю. Тогда и жениться. Верно, заждалась меня Катенька. Да и мне это не легко. Вот только эта работа меня и держит. Скорее бы её кончить!

Ну, и принялся Данилушко за тот камень. Ни дня, ни ночи не знает. А Прокопич помалкивает. Может, уgomонится парень, как охотку стешит. Работа ходко идёт. Низ камня отделан. Как есть, слышь-ко, куст дурманá. Листья широкие кучкой, зубчики, прожилки — всё пришлось лучше нельзя. Прокопич и то говорит — живой цветок-то, хоть рукой пощупать. Ну, а как доверху дошёл — тут заколодило. Стебелёк выточил, боковые листочки тонёхоньки — как только держатся! Чашку, как у дурман-цветка, а не то Не живой стал и красоту потерял. Данилушко тут и сна лишился. Сидит над этой своей чашей, придумывает, как бы поправить, лучше сделать. Прокопич и другие мастера, кои заходили поглядеть, дивятся, — чего ещё парню надо? Чашка вышла — никто такой не делывал, а ему неладно. Умётся парень, лечить его надо. Катенька слышит, что люди говорят, — поплакивать стала. Это Данилушко и образумило.

— Ладно, — говорит, — больше не буду. Видно, не подняться мне выше-то, не поймать силу камня. — И давай сам торопить со свадьбой. Ну, а что торопить, коли у невесты давным-давно всё готово. Назначили день. Повеселел Данилушко. Про чашу-то приказчику сказал. Тот прибежал, глядит — вот штука какая! Хотел сейчас эту чашу барину отправить, да Данилушко говорит:

— Погоди маленько, доделка есть.

Время осеннее было. Как раз около Змеиногo праздника свадьба пришлась. К слову, кто-то и помянул про это — вот-де скоро змеи все в одно место соберутся. Данилушко эти слова на приметку взял. Вспомнил опять разговоры о малахитовом цветке. Так его и потянуло: «Не сходить ли последний раз к Змеиной горке? Не узнаю ли там чего?» — и про камень припомнил: — «Ведь как положенный был! И голос на руднике-то про Змеиную же горку говорил».

Вот и пошёл Данилушко. Земля тогда уже подмерзать стала, снежок припорашивал. Подошёл Данилушко ко крутику, где камень брал, глядит, а на том месте выбоина большая, будто камень ломали. Данилушко о том не подумал, кто это камень ломал, зашёл в выбоину. «Посижу, — думает, — отдохну за ветром. Потеплее тут». Глядит — у одной стены камень-серовик, вроде стула. Данилушко тут и сел, задумался, в землю глядит, и всё цветок тот каменный из головы нейдёт. «Вот бы поглядеть!» Только вдруг тепло стало, ровно лето воротилось. Данилушко поднял голову, а напротив, у другой-то стены, сидит Медной горы Хозяйка. По красоте-то да по платью малахитову Данилушко сразу её признал. Только и то думает:

«Может, мне это кажется, а на деле никого нет». Сидит — молчит, глядит на то место, где Хозяйка, и будто ничего не видит. Она тоже молчит, вроде как призадумалась. Потом и спрашивает:

— Ну, что, Данило-мастер, не вышла твоя дурман-чаша?

— Не вышла, — отвечает.

— А ты не вешай голову-то! Другое попытай. Камень тебе будет, по твоим мыслям.

— Нет, — отвечает, — не могу больше. Измаялся весь, не выходит. Покажи каменный цветок.

— Показать-то, — говорит, — просто, да потом жалеть будешь.

— Не отпустишь из горы?

— Зачем не отпущу! Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются.

— Покажи, сделай милость!

Она ещё его уговаривала:

— Может, ещё попытаешь сам добиться! — Про Прокопича тоже помянула: — Он-де тебя пожалел, теперь твой черёд его пожалеть. — Про невесту напонила: — Души в тебе девка не чаёт, а ты на сторону глядишь.

— Знаю я, — кричит Данилушко, — а только без цветка мне жизни нет. Покажи!

— Когда так, — говорит, — пойдём, Данило-мастер, в мой сад.

Сказала и поднялась. Тут и зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеёвика-камня. Ну, всякие. Только живые, с сучьями, с листочками. От ветру-то покачиваются и голк дают, как галечками кто подбрасывает. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная разная. Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идёт.

И вот подвела та девица Данилушку к большой полянке. Земля тут, как простая глина, а по ней кусты чёрные, как бархат. На этих кустах большие зелёные колокольцы малахитовы, и в каждом сурьянная звёздочка. Огневые пчёлки над теми цветками сверкают, а звёздочки тонёхонько позванивают, ровно поют.

— Ну, Данило-мастер, поглядел? — спрашивает хозяйка.

— Не найдёшь, — отвечает Данилушко, — камня, чтобы так-то сделать.

— Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь

не могу. — Сказала и рукой махнула. Опять зашумело, и Данилушко на том же камне, в ямине-то этой оказался. Ветер так и свистит. Ну, известно, осень.

Пришёл Данилушко домой, а в тот день как раз у невесты вечеринка была. Сначала Данилушко весёлым себя показывал — песни пел, плясал, а потом и затуманился. Невеста даже испугалась:

— Что с тобой? Ровно на похоронах ты!

— Голову разломило. В глазах чёрное с зелёным да красным. Света не вижу.

На этом вечеринка и кончилась. По обряду невеста с подружками провожать жениха пошла. А много ли дороги, коли через дом либо через два жили. Вот Катенька и говорит:

— Пойдёмте, девушки, кругом. По нашей улице до конца дойдём, а по Еланской воротимся.

Про себя думает: «Пообдует Данилушку ветром, — не лучше ли ему станет».

А подружкам что Рады-радёхоньки.

— И то, — кричат, — проводить надо. Шибко он близко живёт — провозальную песню ему по-доброму вовсе не певали.

Ночь-то тихая была, и снежок падал. Самое для разгулки время. Вот они и пошли. Жених с невестой попереду, а подружки невестины с холостяжником, который на вечеринке был, поотстали маленько. Завели девки эту песню провозальную. А она протяжно да жалобно поётся, чисто по покойнику. Катенька видит — вовсе ни к чему это: «И без того Данилушко у меня невесёлый, а они ещё причитанье петь придумали».

Старается отвести Данилушко на другие думки. Он разговорился было, да только скоро опять запечалился. Подружки Катенькины тем временем провозальную кончили, за весёлые принялись. Смех у них да беготня, а Данилушко идёт, голову повесил. Сколь Катенька ни старается, не может развеселить. Так и до дому дошли. Подружки с холостяжником стали расходиться — кому куда, а Данилушко без обряду невесту свою проводил и домой пошёл.

Прокопич давно спал. Данилушко потихоньку зажёт огонь, выволок свои чаши на середину избы и стоит, оглядывает их. В это время Прокопича кашлем бить стало. Так и надрывается. Он, вишь, к тем годам вовсе нездоровый стал. Кашлем-то этим Данилушко как ножом по сердцу резнуло. Всю прежнюю жизнь припомнил. Крепко жаль ему старика стало. А Прокопич прокашлялся, спрашивает:

— Ты что это с чашами-то?

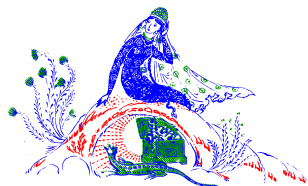
— Да вот гляжу, не пора ли сдавать?
— Давно, — говорит, — пора. Зря только место занимают. Лучше всё равно не сделаешь.

Ну, поговорили ещё маленько, потом Прокопъич опять уснул. И Данилушко лёг, только сна ему нет и нет. Поворочался-поворочался, опять поднялся, зажёт огонь, поглядел на чаши, подошёл к Прокопъичу. Постоял тут над стариком-то, повздыхал

Потом взял балодку да как ахнет по дурман-цветку, — только схрупало. А ту чашу, — по барскому-то чертежу, — не пошевелил! Плюнул в середку и выбежал. Так с той поры Данилушку и найти не могли.

Кто говорил, что он ума решился, в лесу загинул, а кто опять сказывал — Хозяйка взяла его в горные мастера.

На деле по-другому вышло. Про то дальше сказ будет.

ГОРНЫЙ МАСТЕР

К

а́тя, — Данилова-то невеста, — незамужницей осталась. Года два либо три прошло, как Данило потерялся, — она и вовсе из невестинской поры вышла. За двадцать-то годов, по-нашему, по-заводскому, перестарок считается. Парни таких редко сватают, вдовцы больше. Ну, а эта Катя, видно, пригожая была, к ней все женихи лезут, а у ней только и слов: — Данилу обещалась.

Её уговаривают:

— Что поделаешь! Обещалась, да не вышла. Теперь об этом и поминать не к чему. Давно человек изгиб.

Катя на своём стоит:

— Данилу обещалась. Может, и придёт ещё он.

Ей толкуют:

— Нет его в живых. Верное дело.

А она упёрлась на своём:

— Никто его мёртвым не видал, а для меня он по давню живой.

Видят — не в себе девка, — отстали. Иные на смех ещё подымать стали: прозвали её мертвяковой невестой. Ей это прильнуло. Катя Мертвякова да Катя Мертвякова, равно другого прозванья не было.

Тут какой-то мор на людей случился, и у Кати старики-то оба умерли. Родство у неё большое. Три брата женатых да сестёр замужних сколько-то. Рассорка промеж ними и вышла — кому на отцовском месте оставаться. Катя видит — бестолковщина пошла, и говорит:

— Пойду-ко я в Данилушкину избу жить. Совсе Прокопич старый стал. Хоть за ним похожу.

Братья-сестры уговаривать, конечно:

— Не подходит это, сестра. Прокопич хоть старый человек, а мало ли что про тебя сказать могут.

— Мне-то, — отвечает, — что? Не я сплетницей стану. Про-

копъич, поди-ко, мне не чужой. Приемный отец моему Данилу. Тятенькой его звать буду.

Так и ушла. Оно и то сказать: семейные не крепко вязались. Про себя думали: лишний из семьи — шуму меньше. А Прокопъич что? Ему по душе пришлось.

— Спасибо, — говорит, — Катенька, что про меня вспомнила.

Вот и стали они поживать. Прокопъич за станком сидит, а Катя по хозяйству бегаёт — в огороде там, сварить-постряпать и протча. Хозяйство невелико, конечно, на двоих-то Катя — девушка проворная, долго ли ей! Управиться и садится за какое рукоделье: сшить-связать, мало ли. Сперва у них гладенько катилось, только Прокопъичу всё хуже да хуже. День сидит, два лежит. Изробился, старый стал. Катя и заподумывала, как они дальше-то жить станут.

«Рукодельем женским не прокормишься, а другого ремесла не знаю».

Вот и говорит Прокопъичу:

— Тятенька! Ты бы хоть научил меня чему попроще.

Прокопъичу даже смешно стало.

— Что ты это! Девичье ли дело за малахитом сидеть. Отродясь такого не слышал.

Ну, она всё-таки присматриваться к Прокопъичеву ремеслу стала. Помогала ему где можно. Распилить там, пошлифовать. Прокопъич и стал ей то-другое показывать. Не то чтобы настояще. Бляшку обточить, ручки к вилкам-ножам сделать и протча, что в ходу было. Пустьшно, конечно, дело, копеечно, а всё разоставок при случае.

Прокопъич недолго зажился. Тут братья-сёстры уж понуждать Катю стали:

— Теперь тебе заневолю надо замуж выходить. Как ты одна жить будешь?

Катя их обрезала:

— Не ваша печаль. Никакого мне вашего жениха не надо. Придёт Данилушко. Выучится в горе и придёт.

Братья-сёстры руками на неё машут:

— В уме ли ты, Катерина? Эдакое и говорить грех! Давно умер человек, а она его ждёт! Гляди, ещё блазнить станет.

— Не боюсь, — отвечает, — этого.

Тогда родные спрашивают:

— Чем ты хоть жить-то станешь?

— Об этом, — отвечает, — тоже не заботьтесь. Продержусь одна.

Братья-сёстры так поняли, что от Прокопъича деньжонки остались, и опять за своё:

— Вот и вышла дура! Коли деньги есть, мужика беспреречно в доме надо. Неровен час — поохотится кто за деньгами. Свернут тебе башку, как курёнку. Только и свету видела.

— Сколько, — отвечает, — на мою долю положено, столько и увижу.

Братья-сёстры долго ещё шумели. Кто кричит, кто уговаривает, кто плачет, а Катя заколодила своё:

— Продержусь одна. Никакого вашего жениха не надо. Давно у меня есть.

Осердились, конечно, родные.

— В случае, к нам и глаз не показывай!

— Спасибо, — отвечает, — братцы милые, сестрицы любезные! Помнить буду. Сами-то не забудьте — мимо похаживайте!

Смеётся, значит. Ну, родня и дверями хлоп. Осталась Катя одна-одинёшенька. Поплакала, конечно, сперва, потом и говорит:

— Врёшь! Не поддамся!

Вытерла слёзы и по хозяйству занялась. Мыть да скоблить — чистоту наводить. Управилась — и сразу к станку села. Тут тоже свой порядок наводить стала. Что ей не нужно, то подальше, а что постоянно требуется, то под руку. Навела как-то порядок и хотела за работу садиться:

«Попробую сама хоть одну бляшку обточить».

Хватилась, а камня подходящего нет. Обломки Данилушковой дурман-чашки остались, да Катя берегла их. В особом узле они были завязаны. У Прокопьяча камня, конечно, много было. Только Прокопьяч до смерти на больших работах сидел. Ну, и камень всё крупный. Обломки да кусочки всё подобрались — порасходовались на мелкую поделку. Вот Катя и думает:

«Надо, видно, сходить, на руднишных отвалах поискать. Не попадёт ли подходящий камешок».

От Данилы да и от Прокопьяча она слыхала, что они у Змеиной горки брали. Вот туда и пошла.

На Гумёшках, конечно, всегда народ: кто руду разбирает, кто возит. Глядят на Катю-то — куда она с корзинкой пошла. Кате это нелюбо, что на неё зря глаза пялят. Она и не стала на отвалах с этой стороны искать, обошла горку-то. А там ещё лес рос. Вот Катя по этому лесу и забралась на самую Змеиную горку, да тут и села. Горько ей стало — Данилушку вспомнила. Сидит на камне, а слёзы так и бегут. Людей нет, лес кругом, — она и не сторожится. Так слёзы на землю и каплют. Поплакала, глядит — у самой ноги малахит-камень обозначился, только весь в земле сидит. Чем его возьмёшь, коли ни

кайлы, ни лома? Катя всё-таки пошевелила его рукой. Показалось, что камень не крепко сидит. Вот она и давай прутиком каким-то землю отгребать от камня. Отгребла сколько можно, стала вышатывать. Камень и подался. Как хрупнуло снизу, — ровно сучок обломился. Камешок небольшой, вроде плитки. Толщиной пальца в три, шириной в ладонь, а длиной не больше двух четвертей. Катя даже подивилась:

— Как раз по моим мыслям. Распилю его, так сколько бляшек выйдет. И потери самый пустяк.

Принесла камень домой и сразу занялась распиливать. Работа небыстрая, а Кате ещё надо по домашности управляться. Глядишь, весь день в работе, и скучать некогда. Только как за станок садиться, всё про Данилушку вспомнит:

— Поглядел бы он, какой тут новый мастер объявился. На его-то да Прокопьевом месте сидит!

Нашлись, конечно, охальники. Как без этого Ночью под какой-то праздник засиделась Катя за работой, а трое парней и перелезли к ней в ограду. Попугать хотели али и ещё что — их дело, только все выпивши. Катя ширкает пилой-то и не слышит, что у ней в сенках люди. Услышала, когда уж в избу ломиться стали.

— Отворяй, мертвякова невеста! Принимай живых гостей!

Катя сперва уговаривала их:

— Уходите, ребята!

Ну, им это ничего. Ломятся в дверь, того и гляди — сорвут. Тут Катя скинула крючок, расхлобыснула двери и кричит:

— Заходи, не то. Кто первого лобанить?

Парни глядят, а она с топором.

— Ты, — говорят, — без шуток!

— Какие, — отвечает, — шутки! Кто за порог, того и по лбу.

Парни хоть пьяные, а видят — дело не шуточное. Девка возрастная, оплечье крутое, глаз решительный, и топор, видать, в руках бывал. Не посмели ведь войти-то. Пошумели-пошумели, убрались да ещё сами же про это рассказали. Парней и стали дразнить, что они трое от одной девки убежали. Им это не полюбилось, конечно, они сплели, будто Катя не одна была, а за ней мертвяк стоял.

— Да такой страшный, что заневолю убежишь.

Парням поверили — не поверили, а по народу с той поры пошло:

— Нечисто в этом доме. Недаром она одна-одинёшенька живёт.

До Кати это донеслось, да она печалиться не стала. Ещё подумала: «Пуцай плетут. Мне так-то лучше, если побаиваться станут. Другой раз, глядишь, не полезут».

Соседи и на то дивятся, что Катя за станком сидит. На смех её подняли:

— За мужичье ремесло принялась! Что у неё выйдет!

Это Кате солонее пришлось. Она и сама подумывала: «Выйдет ли у меня у одной-то?» Ну, всё-таки с собой совладела: «Базарский товар! Много ли надо? Лишь бы гладко было. Неуж и того не осилю?»

Распилила Катя камешок. Видит — узор на редкость пришёлся, и как намечено, в котором месте поперёк отпилить. Подивилась Катя, как ловко всё пришлось. Поделила по-готовому, обтачивать стала. Дело не особо хитрое, а без привычки тоже не сделаешь. По-маялась сперва, потом научилась. Хоть куда бляшки вышли, а потери и вовсе нет. Только и в брос, что на сточку пришлось.

Наделала Катя бляшек, ещё раз подивилась, какой выходной камешок оказался, и стала смекать, куда сбыть поделку. Прокопъич такую мелочь в город, случалось, возил и там всё в одну лавку сдавал. Катя много раз про эту лавку слыхала. Вот она и придумала сходить в город.

«Спрошу там, будут ли напредки мою поделку принимать».

Затворила избушку и пошла пешочком. В Полевой и не заметили, что она в город убралась. Узнала Катя, где тот хозяин, который у Прокопъича поделку принимал, и заявила прямо в лавку. Глядит — полно тут всякого камня, а малахитовых бляшек целый шкап за стеклом. Народу в лавке много. Кто покупает, кто поделку сдаёт. Хозяин строгий да важный такой.

Катя сперва и подступить боялась, потом насмелилась и спрашивает:

— Не надо ли малахитовых бляшек?

Хозяин пальцем на шкап указал:

— Не видишь, сколь у меня добра этого?

Мастера, которые работу сдавали, припевают ему:

— Много ноне на эту поделку мастеров развелось. Только камень переводят. Того не понимают, что для бляшки узор хороший требуется.

Один-то мастер из полевских. Он и говорит хозяину потихоньку:

— Недоумок эта девка. Видели её соседи за станком-то. Вот, поди, настряпала.

Хозяин тогда и говорит:

— Ну-ко, покажи, с чем пришла?

Катя и подала ему бляшку. Поглядел хозяин, потом на Катю уставился и говорит:

— У кого украла?

Кате, конечно, это обидно показалось. По-другому она заговорила:

— Какое твоё право, не знаючи человека, эдак про него говорить? Гляди вот, если не слепой! У кого можно столько бляшек на один узор украсть? Ну-ко, скажи! — и высыпала на прилавок всю поделку.

Хозяин и мастера видят — верно, на один узор. И узор редкостный. Будто из середины-то дерево выступает, а на ветке птица сидит и внизу тоже птица. Явственно видно и сделано чисто. Покупатели слышали этот разговор, потянулись тоже поглядеть, только хозяин сразу все бляшки прикрыл. Нашёл заделье.

— Не видно кучей-то. Сейчас я их под стекло разложу. Тогда и выбирайте, что кому любо. — А сам Кате говорит: — Иди вон в ту дверь. Сейчас деньги получишь.

Пошла Катя, и хозяин за ней. Затворил дверку, спрашивает:

— Почём сдаешь?

Катя слыхала от Прокопья цены. Так и сказала, а хозяин давай хохотать:

— Что ты! Что ты? Такую-то цену я одному полевскому мастеру Прокопьячу платил да еще его приёмышу Данилу. Да ведь то мастера были!

— Я, — отвечает, — от них и слыхала. Из той же семьи буду.

— Вон что! — удивился хозяин. — Так это, видно, у тебя Данилова работа осталась?

— Нет, — отвечает, — моя.

— Камень, может, от него остался?

— И камень сама добывала.

Хозяин, видать, не верит, а только рядиться не стал. Рассчитался по-честному да еще говорит:

— Вперёд случится такое сделать, неси. Безотказно принимать буду и цену положу настоящую.

Ушла Катя, радуется, — сколько денег получила! А хозяин те бляшки под стекло выставил. Покупатели набежали:

— Сколько?

Он, конечно, не ошибся — в десять раз против купленного назначил да и наговаривает:

— Такого узора ещё не бывало. Полевского мастера Данилы работа. Лучше его не сделать.

Пришла Катя домой, а сама всё дивится.

— Вот штука какая! Лучше всех мои бляшки оказались! Хорош

камешок попался. Случай, видно, счастливый подошёл. Потом и хватилась: — А не Данилушко ли это мне весточку подал?

Подумала так, скрутилась и побежала на Змеиную горку.

А тот малахитчик, который хотел Катю перед городским купцом оконфузить, тоже домой воротился. Завидно ему, что у Кати такой редкостный узор получился. Он и придумал:

— Надо поглядеть, где она камень берёт. Не новое ли какое место ей Прокопъич либо Данило указали?

Увидел, что Катя куда-то побежала, он и пошёл за ней. Видит — Гумёшки она обошла стороной и куда-то на Змеиную горку пошла. Мастер туда же, а сам думает: «Там лес. По лесу-то к самой ямке прокрадусь».

Зашли в лес. Катя вовсе близко и нисколько не сторожится, не оглядывается, не прислушивается. Мастер радуется, что ему так легко достанется новое место. Вдруг в сторонке что-то зашумело, да так, что мастер даже испугался. Остановился. Что такое? Пока он так-то разбирался, Кати и не стало. Бегал он, бегал по лесу. Еле выбрался к Северскому пруду, — версты поди за две от Гумёшек.

Катя сном дела не знала, что за ней подглядывают. Забралась на горку, к тому самому месту, где первый камешок брала. Ямка будто больше стала, а сбоку опять такой же камешок видно. Пошатала его Катя — он и отстал. Опять, как сучок, хрупнул. Взяла Катя камешок и заплакала-запричитала. Ну, как девки-бабы по покойнику ревут, всякие слова собирают:

— На кого ты меня, мил-сердечный друг, покинул, — и протча тако

Наревелась, будто полегче стало, стоит — задумалась, в руднишную сторону глядит. Место тут вроде полянки. Кругом лес густой да высокий, а в руднишную сторону помельче. Туда солнышко пришло. Так и горит это место, и все камешки на нём блестят.

Кате это любопытно показалось. Хотела поближе подойти. Шагнула, а под ногой и схрупало. Отдёрнула она ногу, глядит — земли-то под ногами нет. Стоит она на каком-то высоком дереве, на самой вершине. Со всех сторон такие же вершины подошли. В прогалы меж деревьями внизу видно травы да цветы, и вовсе они на здешние не походят.

Другая бы на Катином месте перепугалась, крик-визг подняла, а она вовсе о другом подумала:

«Вот она, гора, раскрылась! Хоть бы на Данилушку взглянуть!»

Только подумала и видит через прогалы — идет кто-то внизу, на Данилушку походит и руки вверх тянет, будто сказать что хочет. Катя

свету невзвидела, так и кинулась к нему с дерева-то! Ну, а пала тут же на землю, где стояла. Образумилась, да и говорит себе:

— Верно, что блазнить мне стало. Надо поскорее домой итти.

Идти надо, а сама сидит да сидит, всё ждёт, не вскрыется ли ещё гора, не покажется ли опять Данилушко. Так до потёмок и просидела. Тогда только и домой пошла, а сама думает: «Повидала всё-таки Данилушку».

Тот мастер, который за Катей подглядывал, домой к этому времени выбежал. Поглядел — избушка у Кати заперта. Он и притаился — посмотрю, что она притащила. Видит — идёт Катя, он и встал поперёк дороги:

— Ты куда ходила?

— На Змеиную, — отвечает.

— Ночью-то? Что там делать?

— Данилу повидать.

Мастер так и шарахнулся, а на другой день по заводу шопотки поползли:

— Вовсе рехнулась мертвякова невеста. По ночам на Змеиную ходит, покойника ждёт. Как бы ещё завод не подождла, с малого-то ума.

Братья-сёстры прослышали, опять прибежали, давай сторожить да уговаривать Катю. Только она и слушать не стала. Показала им деньги и говорит:

— Это, думаете, откуда у меня? У хороших мастеров не берут, а мне за перводелку столько отвалили! Почему так?

Братья слышали про её-то удачу и говорят:

— Случай счастливый вышел. О чём тут говорить.

— Таких, — отвечает, — случаев не бывало. Это мне Данило сам такой камень подложил и узор вывел.

Братья смеются, сёстры руками машут.

— И впрямь рехнулась! Надо приказчику сказать. Как бы всамделе завод не подождла!

Не сказали, конечно. Постыдились сестру-то выдавать. Только вышли, да и сговорились:

— Надо за Катериной глядеть. Куда пойдёт — сейчас же за ней бежать.

А Катя проводила родню, двери заперла да принялась новый-то камешок распиливать. Пилит да загадывает:

— Коли такой же издается, значит, не поблазнило мне — видала я Данилушку.

Вот она и торопится распилить. Поглядеть-то ей поскорее охота, как по-настоящему узор выйдет. Ночь уж давно, а Катя всё за станком сидит. Одна сестра проснулась в эту пору, увидела огонь в избе, подбежала к окошку, смотрит сквозь щёлку в ставне и дивится:

— И сон её не берёт! Наказанье с девкой!

Отпилила Катя досочку — узор и обозначился. Ещё лучше того-то. Птица с дерева книзу полетела, крылья расправила, а снизу навстречу другая летит. Пять раз этот узор на досочке. Из точки в точку намечено, как поперёк распилить. Катя тут и думать не стала. Схватилась да и побежала куда-то. Сестра за ней. Дорогой-то постучалась к братьям — бегите, дескать, скорей. Выбежали братья, ещё народ сбили. А уже светленько стало. Глядят, — Катя мимо Гумёшек бежит. Туда все и кинулись, а она, видно, и не чует, что народ за ней. Пробежала рудник, потише пошла в обход Змеиной горки. Народ тоже призадержался — посмотрим, дескать, что она делать будет.

Катя идёт, как ей привычно, на горку. Взглянула, а лес кругом какой-то небывалый. Пощупала рукой дерево, а оно холодное да гладкое, как камень шлифованный. И трава понизу тоже каменная оказалась, и темно ещё тут. Катя и думает: «Видно, я в гору попала».

Родня да народ той порой переполошились:

— Куда она девалась? Сейчас близко была, а не стало!

Бегают, суетятся. Кто на горку, кто кругом горки. Перекликаются друг с дружкой: «Там не видно?»

А Катя ходит в каменном лесу и думает, как ей Данилу найти. Походила-походила, да и закричала:

— Данило, отзовись!

По лесу голк пошёл. Сучья запостукивали: «Нет его! Нет его! Нет его!» Только Катя не унялась:

— Данило, отзовись!

По лесу опять: «Нет его! Нет его! Нет его!» Катя снова:

— Данило, отзовись!

Тут Хозяйка горы перед Катей и показалась.

— Ты зачем, — спрашивает, — в мой лес забралась? Чего тебе? Камень, что ли, хороший ищешь? Любой бери да уходи поскорее!

Катя тут и говорит:

— Не надо мне твоего мёртвого камня! Подавай мне живого Данилушку. Где он у тебя запрятан? Какое твоё право чужих женихов сманивать!

Ну, смелая девка. Прямо на горло наступать стала. Это Хозяйке-то! А та ничего, стоит спокойненько.

— Ещё что скажешь?

— А то и скажу — подавай Данилу! У тебя он .

Хозяйка расхохоталась да и говорит:

— Ты, дура-девка, знаешь ли, с кем говоришь?

— Не слепая, — кричит, — вижу. Только не боюсь тебя, разлучница! Нисколечко не боюсь! Сколь ни хитро у тебя, а ко мне Данило тянется. Сама видела. Что, взяла?

Хозяйка тогда и говорит:

— А вот послушаем, что он сам скажет.

До того в лесу темненько было, а тут сразу ровно он ожил. Светло стало. Трава снизу разными огнями загорелась, деревья одно другого краше. В прогалы полянку видно, а на ней цветы каменные, и пчёлки золотые, как искорки, над теми цветами. Ну, такая, слышь-ко, красота, что век бы не нагляделся. И видит Катя: бежит по этому лесу Данило. Прямо к ней. Катя навстречу кинулась. — Данилушко!

— Подожди, — говорит Хозяйка, — и спрашивает: — Ну, Данило-мастер, выбирай — как быть? С ней пойдёшь — всё мое забудешь, здесь останешься — её и людей забыть надо.

— Не могу, — отвечает, — людей забыть, а её каждую минуту помню.

Тут Хозяйка улыбнулась светленько и говорит:

— Твоя взяла, Катерина! Бери своего мастера. За удалость да твёрдость твою вот тебе подарок. Пусть у Данилы всё моё в памяти останется. Только вот это пусть накрепко забудет! — И полянка с диковинными цветами сразу потухла. — Теперь ступайте в ту сторону, — указала Хозяйка да ещё упредила: — Ты, Данило, про гору людям не сказывай. Говори, что на выучку к дальнему мастеру ходил. А ты, Катерина, и думать забудь, что я у тебя жениха сманивала. Сам он пришёл за тем, что теперь забыл.

Поклонилась тут Катя:

— Прости на худом слове!

— Ладно, — отвечает, — что каменной сделается! Для тебя говорю, чтоб остуды у вас не было.

Пошла Катя с Данилой по лесу, а он всё темней да темней, и под ногами неровно — бугры да ямки. Огляделись, а они на руднике — на Гумёшках. Время ещё раннее, и людей на руднике нет. Они потихоньку и пробрались домой. А те, что за Катей побежали, всё ещё по лесу бродят да перекликаются: «Там не видно?»

Искали-искали, не нашли. Прибежали домой, а Данило у окошка сидит.

Испугались, конечно. Чураются, заклятья разные говорят. Потом видят — трубку Данило набивать стал. Ну и отошли.

«Не станет же, — думают, — мертвяк трубку курить».

Подходить стали один по одному. Глядят — и Катя в избе. У печки толкошится, а сама веселёхонька. Давно её такой не видали. Тут и вовсе осмелели, в избу вошли, спрашивать стали:

— Где это тебя, Данило, давно не видно?

— В Колывань, — отвечает, — ходил. Прослышал про тамошнего мастера по каменному делу, будто лучше его нет по работе. Вот и заохотило поучиться маленько. Тятенька покойный отговаривал. Ну, а я посамовольничал — тайком ушёл. Кате вон только сказался.

— Пошто, — спрашивают, — чашу свою разбил?

— Ну, мало ли. С вечорки пришёл. . . Может, выпил лишка. . . Не по мыслям пришлась, вот и ахнул. У всякого мастера такое поди случалось. О чём говорить.

Тут братья-сёстры к Кате приступать стали, почему не сказала про Колывань-то. Только от Кати тоже немного добились. Сразу отрезала:

— Чья бы корова мычала, моя бы молчала. Мало я вам сказывала, что Данило живой. А вы что? Женихов мне подсовывали на с пути сбивали! Садитесь-ка лучше за стол. Испеклась у меня чирла-то.

На том дело и кончилось. Посидела родня, поговорила о том-другом, разошлась. Вечером пошёл Данило к приказчику объявиться. Тот пошумел, конечно. Ну, всё-таки уладили дело.

Вот и стали Данило с Катей в своей избушке жить. Хорошо, сказывают, жили, согласно. По работе-то Данилу все горным мастером звали. Против него никто не мог сделать. И недостаток у них появился. Только нет-нет — и задумается Данило. Катя понимала, конечно, — о чём, да помалкивала.

ЖРУПКАЯ ВЕТОЧКА

Данилы с Катей, — это которая своего жениха у Хозяйки горы вызволила, — ребятишек многонько народилось. Восемь, слышь-ко, человек, и все парнишечки. Мать-то не раз ревливала: хоть бы одна дочонка на поглядку. А отец знай похохатывает:

— Такое, видно, наше с тобой положенье.

Ребятки здоровеньки росли. Только одному не посчастливилось. То ли с крылечка, то ли еще откуда свалился и себя повредил: горбик у него расти стал.

Баушки правили, понятно, да толку не вышло. Так горбатенькому и пришлось на белом свете маяться.

Другие ребятишки, — я так замечал, — злые выходят при таком-то случае, а этот ничего — веселенький рос и на выдумки мастер.

Он третьим в семье-то приходился, а все братья слушали его да спрашивали:

— Ты, Митя, как думаешь? По-твоему, Митя, к чему это?

Отец с матерью и те частенько покрикивали:

— Митюшка! Погляди-ко! Ладно на твой глаз?

— Митяйко, не заметил, куда я воробы поставила?

И то Митюньке далось, что отец смолоду ловко на рожке играл. Этот тоже пикульку смастерит, так она у него ровно сама песню выговаривает.

Данило по своему мастерству все-таки зарабатывал ладно. Ну, и Катя без дела не сживала. Вот, значит, и поднимали семью, за куском в люди не ходили. И об одежке ребячьей Катя заботилась. Чтоб всем справа была: пимёшки там, шубейки и протча. Летом-то, понятно, и босиком ладно: своя кожа, не куплена. А Митюньке, как он всех жалчее, и сапожнёшки были. Старшие братья этому не завидовали, а малые сами матери говорили:

— Мамонька, пора поди Мите новые сапоги заводить. Глади — ему на ногу не лезут, а мне бы как раз прились.

Свою, видишь, ребячью хитрость имели, как бы поскорее Митины сапожнёшки себе пристроить. Так у них все гладенько и катилось. Соседки издивовались прямо:

— Что это у Катерины за робята! Никогда у них и драчишки меж собой не случится.

А это все Митюнька — главная причина. Он в семье-то ровно огонёк в лесу: кого развеселит, кого обогреет, кого на думки наведёт.

К ремеслу своему Данило не допускал ребятишек до времени.

— Пускай, — говорит, — подрастут сперва. Успеют еще малахитовой-то пыли наглотаться.

Катя тоже с мужем в полном согласье — рано еще за ремесло садить. Да еще придумали поучить ребятишек, чтоб, значит, читать-писать, цифру понимать.

Школы по тогдашнему положению не было, и стали старшие-то братья бегать к какой-то мастерице. И Митюнька с ними. Те ребята понятливые, хвалила их мастерица, а этот вовсе на отличку. В те годы по-мудреному учили, а он с лёту берет. Не успеет мастерица показать, — он обмозговал. Братья ещё склады толмили, а он уж читал, знай слова лови. Мастерица не раз говаривала:

— Не бывало у меня такого выученика.

Тут отец с матерью возьми и погордись маленько: завели Митюньке сапожки поформеннее. Вот с этих сапожек у них полный переворот жизни и вышел.

В тот год, слышь-ко, барин на заводе жил. Пропикнул, видно, денежки в Сам-Петербурхе, вот и приехал на завод — не выскребу ли, дескать, ещё сколь-нибудь.

При таком-то деле, понятно, как денег не найти, ежели с умом распорядиться. Одни приказные да приказчик сколько воровали. Только барин вовсе в эту сторону и глядеть не умел.

Едет это он по улице и углядел — у одной избы трое ребятишек играют, и все в сапогах.

Барин им и маячит рукой-то: идите сюда.

Митюньке хоть не приводилось до той поры барина видать, а признал небось. Лошади, вишь, отменные, кучер по форме, коляска под лаком и седок гора-горой, жиром заплыл, еле ворочается, а перед брюхом палку держит с золотым набалдашником.

Митюнька оробел маленько, все-таки ухватил братишек за руки и подвёл поближе к коляске, а барин хрипит:

— Чьи такие?

Митюнька, как старший, объясняет спокойненько:

— Камнереза Данилы сыновья. Я вот Митрий, а это мои братики малые.

Барин аж посинел от этого разговору, чуть не задохся, только пристанывает:

— Ох, ох! что делают! что делают! Ох, ох!

Потом, видно, провздохался и заревел медведем:

— Это что? А? — А сам палкой-то на ноги ребятам показывает. Малые, понятно, испужались, к воротам кинулись, а Митюнька стоит и никак в толк взять не может, о чём его барин спрашивает.

Тот заладил своё, недоладом орёт:

— Это что?

Митюнька вовсе оробел да и говорит:

— Земля.

Барина тут как параличомхватило, захрипел вовсе:

— Хр-р, хр-р! До чего дошло! До чего дошло! Хр-р, хр-р.

Тут Данило сам из избы выбежал, только барин не стал с ним разговаривать, ткнул кучера набалдашником в шею — поезжай!

Этот барин не твёрдого ума был. Смолоду за ним такое замечалось, к старости и вовсе несамостоятельный стал. Напустится на человека, а потом и сам объяснить не умеет, что ему надо. Ну, Данило с Катериной и подумали, — может, обойдётся дело, забудет про ребятишек, пока домой доедет. Только не тут-то было: не забыл барин ребячьих сапожишек. Первым делом на приказчика насел.

— Ты куда глядишь? У барина башмаков купить не на что, а крепостные своих ребятишек в сапогах водят? Какой ты после этого приказчик?

Тот объясняет:

— Вашей, дескать, барской милостью Данило на оброк отпущен и сколько брать с него — тоже указано, а как платит он исправно, я и думал

— А ты, — кричит, — не думай, а гляди в оба. Вон у него что завелось! Где это видано? Вчетверо ему оброк назначить.

Потом призвал Данилу и сам объяснил ему новый оброк. Данило видит — вовсе несуразица и говорит:

— Из воли барской уйти не могу, а только оброк такой тоже платить не в силу. Буду работать, как другие, по вашему барскому приказу.

Барину, видать, это не по губе. Денег и без того нехватка, — не до каменной поделки. В пору и ту продать, коя от старых годов осталась. На другую какую работу камнереза поставить тоже не подходит. Ну и давай рядиться. Сколько всё-таки ни отбивался Данила, оброк ему вдвое барин назначил, а не хошь — в гору. Вот куда загнётся!

Понятное дело, худо Данилу с Катей пришлось. Всех прижало, а ребятам хуже всего: до возраста за работу сели. Так и доучиться им не довелось. Митюнька — тот виноватее всех себя считал — сам так и лезет на работу. Помогать, дескать, отцу с матерью буду, а те опять своё думают:

«И так-то он у нас нездоровый, а посади его за малахит — вовсе изведётся. Потому — кругом в этом деле худо. Присадочный вар готовить — пыли не продохнёшь, щебёнку колотить — глаза береги, а олово крепкой водкой на полер разводить — парами задушит». Думали, думали и придумали отдать Митюньку по гранильному делу учиться.

Глаз, дескать, хваткий, пальцы гибкие и силы большой не надо — самая по нему работа.

Гранильщик, конечно, у них в родстве был. К нему и пристроили, а он рад-радехонек, потому знал — парнишечко смысленный и к работе не ленив.

Гранильщик этот так себе, средненький был, второй, а то и третьей цены камешок делал. Всё-таки Митюнька перенял от него, что тот умел. Потом этот мастер и говорит Данилу:

— Надо твоего парнишка в город отправить. Пуцай там дойдёт до настоящей точки. Шибко рука у него ловкая.

Так и сделали. У Данилы в городе мало ли знакомства было по каменному-то делу. Нашёл кого надо и пристроил Митюньку. Попал он тут к старому мастеру по каменной ягоде. Мода, видишь, была из камней ягоды делать. Виноград там, смородину, малину и протча. И на всё установ имелся. Черну, скажем, смородину из агату делали, белу — из дурмашков, клубнику — из сургучной яшмы, княженику — из мелких шерловых шаричков клеили. Одним словом, всякой ягоде свой камень. Для корешков да листочков тоже свой порядок был: кое из офата, кое из малахита либо из орлеца и там ещё из какого-нибудь камня.

Митюнька весь этот установ перенять перенял, а нет-нет и придумает по-своему. Мастер сперва ворчал, потом похваливать стал:

— Пожалуй, так-то живее выходит.

Напоследок прямо объявил:

— Гляжу я, парень, шибко большое твоё дарование к этому делу. Впору мне, старику, у тебя учиться. Вовсе ты мастером стал да ещё с выдумкой.

Потом помолчал маленько да и наказывает:

— Только ты, гляди, ходу ей не давай! Выдумке-то! Как бы за неё руки не отбили. Бывали такие случаи.

Митюнька, известно, молодой — безо внимания к этому. Ещё посмеивается:

— Была бы выдумка хорошая. Кто за неё руки отбивать станет? Так вот и стал Митюха мастером, а ещё вовсе молодой: только только ус пробиваться стал. По заказам он не скучал, всегда у него работы полно. Лавочники по каменному делу смекнули живо, что от этого парня большим барышом пахнет, — один перед другим заказы ему дают, успевай только. Митюха тут и придумал:

— Пойду-ко я домой. Коли мою работу надо, так меня и дома найдут. Дорога недалёкая, и груз не велик — материал привезти да поделку забрать.

Так и сделал. Семейные обрадовались, понятно: Митя пришёл. Он тоже повеселить всех желает, а самому не сладко. Дома-то чуть не цельная малахитовая мастерская стала. Отец и двое старших братьев за станками в малухе сидят и младшие братья тут же: кто на распиловке, кто на шлифовке. У матери на руках долгожданная девчушка-годовушка трепещется, а радости в семье нет. Данило уж вовсе стариком глядит, старшие братья покашливают, да и на малых смотреть невесело. Бьются, бьются, а всё в барский оброк уходит.

Митюха тут и заподумывал: всё, дескать, из-за тех сапожнёшек вышло.

Давай скорее своё дело налаживать. Оно хоть мелкое, а станков к нему не один, струментиншко тоже требуется. Мелочь всё, а место и ей надо.

Пристроился в избе против окошка и припал к работе, а про себя думает:

«Как бы добиться, чтоб из здешнего камня ягоды точить. Тогда и младших братишек можно было бы к этому делу пристроить». Думает, а пути не видит. В наших краях, известно, хризолит да малахит больше попадаются. Хризолит тоже дешёво не добудешь, да и не подходит он, а малахит только на листочки и то не вовсе годится: оправки либо подклейки требует.

Вот раз сидит за работой. Окошко перед станком по летнему времени открыто. В избе никого больше нет. Мать по своим делам куда-то ушла, малыши разбежались, отец со старшими в малухе сидит. Не слышно их. Известно, над малахитом-то песни не запоёшь и на разговор не тянет.

Сидит Митюха, обтачивает свои ягоды из купецкого материала, а сам всё о том же думает:

«Из какого бы вовсе дешёвого здешнего камня такую же поделку гнать?»

Вдруг просунулась в окошко какая-то не то женская, не то девичья рука, — с кольцом на пальце и в зарукавье, — и ставит прямо на станок Митюньке большую плитку змеевика, а на ней, как на подносе, соковина дорожная.

Кинулся Митюха к окошку — нет никого, улица пустёхонька, ровно никто и не прохаживал.

Что такое? Шутки кто шутит али наважденье какое? Оглядел плитку да соковину и чуть не заскакал от радости: такого материала возами вози, а сделать из него, видать, можно, если со сноровкой выбрать да постараться. Что только?

Стал тут смекать, какая ягода больше подойдёт, а сам на то место уставился, где рука-то была. И вот опять она появилась и кладёт на станок репейный листок, а на нём три ягодных веточки: черёмуховая, вишнёвая и спелого-спелого крыжовника.

Тут Митюха не удержался, на улицу выбежал дознаться, кто это над ним шутки строит. Оглядел всё — никого, как вымерло. Время — самая жарынь. Кому в эту пору на улице быть?

Постоял-постоял, подошёл к окошку, взял со станка листок с веточками и разглядывать стал. Ягоды настоящие, живые, только то диво — откуда вишня взялась. С черёмухой просто, крыжовнику тоже в господском саду довольно, а эта откуда, коли в наших краях такая ягода не растёт, а будто сейчас сорвана?

Полюбовался так на вишни, а всё-таки крыжовник ему милее пришёлся и к материалу ровно больше подходит. Только подумал — рука-то его по плечу и погладила:

«Молодец, дескать! Понимаешь дело!»

Тут уж слепому ясно, чья эта рука. Митюха в Полевой вырос, сколько-нибудь раз слышал про Хозяйку горы. Вот он и подумал — хоть бы сама показалась. Ну, не вышло. Пожалела, видно, горбатенького парня растревожить своей красотой — не показалась.

Занялся тут Митюха соком да змеевиком. Немало перебрал. Ну, выбрал и сделал со смекалкой. Попотел. Ягодки-то крыжовника сперва половинками обточил, потом внутре-то выемки наладил да ещё, где надо, желобочки прошёл, где опять узелочки оставил, склеил половинки да тогда их начисто и обточил. Живая ягодка-то вышла. Листочки тоже тонко из змеевки выточил, а на корешок ухитрился колючки тонёхонькие пристроить. Одним словом, сортовая работа. В каждой ягодке ровно зёрнышки видно и листочки живые, даже маленько с изъянами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пятнышки пришлись. Ну, как есть настоящие.

Данило с сыновьями хоть по другому камню работали, а тоже в этом деле понимали. И мать по камню рабатывала. Все налюбоваться не могут на Митюхину работу. И то им диво, что из простого змеевика да дорожного соку такая штука вышла. Мите и самому любо. Ну, как — работа! Тонкость. Ежели кто понимает, конечно.

Из соку да змеевику Митя много потом делал. Семье-то шибко помог. Купцы, видишь, не обегали этой поделки, как за настоящий камень платили, и покупатель в первую голову Митюхину работу выхватывал, потому — на отличку. Митюха, значит, и гнал ягоду. И черёмуху делал, и вишню, и спелый крыжовник, а первую веточку не продавал — себе оставил. Посыкался отдать девчонке одной, да всё сумленье брало.

Девчонки, видишь, не отворачивались от Митюхина окошка. Он хоть горбатенький, а парень с разговором да выдумкой, и ремесло у него занятное и не скупой: шариков для бусов, бывало, горстью давал. Ну, девчонки нет-нет и подбегут, а у этой чаще всех заделье находилось перед окошком — зубами поблестеть, косой поиграть. Митюха и хотел отдать ей свою веточку, да всё боялся.

— Ещё на смех девчонку поднимут, а то и сама за обиду почтёт.

А тот барин, из-за которого поворот жизни случился, всё ещё на земле пыхтел да отдувался. В том году он дочь свою просватал за какого-то там князя или купца и приданое ей собирал. Полевской приказчик и вздумал подслужиться. Митину-то веточку он видал и тоже, видно, понял, какая это штука. Вот и послал своих охлёстов с наказом:

— Если отдавать не будет, отберите силой.

Тем что? Дело привычное. Отобрали у Мити веточку, принесли, а приказчик её в бархатну коробушечку. Как барин приехал в Полевую, приказчик сейчас:

— Получите, сделайте милость, подарочек для невесты. Подходящая штучка.

Барин поглядел, тоже похвалил сперва-то, потом и спрашивает:

— Из каких камней сделано и сколько камни стоят?

Приказчик и отвечает:

— То и удивительно, что из самого простого материалу: из змеевику да шлаку.

Тут барин сразу задохся:

— Что? Как? Из шлаку? Моей дочери?

Приказчик видит — неладно выходит, на мастера всё поворотил:

— Это он, шельмец, мне подсунил да ещё насаждал четвергов с неделю, а то бы я разве посмел.

Барин знай хрипит:

— Мастера тащи! Тащи мастера!

Приволокли, понятно, Митюху, и, понимаешь, узнал ведь его барин.

«Это тот в сапогах-то который .»

С палкой на Митюху кинулся.

— Как ты смел?

Митюха сперва и понять не может, потом раскумекал и прямо говорит:

— Приказчик у меня силом отобрал, пускай он и отвечает.

Только с баринком какой разговор, всё своё хрипит:

— Я тебе покажу

Потом схватил со стола веточку, хлоп её на пол и давай-ко топтать. В пыль, понятно, раздавил.

Тут уж Митюху за живое взяло, затрясло даже. Оно и то сказать, — кому полюбится, коли твою дорогую выдумку диким мясом раздавят.

Митюха схватил баринову палку за тонкий конец да как хряснет набалдашником по лбу, так барин на пол и сел и глаза выкатил.

И вот диво — в комнате приказчик был и прислужников сколько хочешь, а все как окаменели, — Митюха вышел и куда-то девался. Так и найти не могли, а поделку его и потом люди видали. Кто понимающий, те узнавали её.

И ещё заметочка вышла. Та девчонка, которая зубы-то мыла перед Митюхиным окошком, тоже потерялася, и тоже с концом.

Долго искали эту девчонку. Видно, рассудили по-своему-то, что её найти легче, потому — далёко женщина от своих мест уходить не привычна. На родителей её наступали:

— Указывай место!

А толку всё-таки не добились.

Данилу с сыновьями прижимали, конечно, да видно, оброку большого пожалели, — отступили. А барин ещё сколько-то задыхался, всё-таки вскорости его жиром задавило.

Уральские сказы П. П. Бажова — Напевные, неторопливые и такие емкие по содержанию со свойственным им сочетанием будничности и фантазии. Сказы, поющие славу труду и доброй силе, чудесам, им служащим.

Такова особенность истинного произведения искусства — чем больше его жизнь, тем большее внимание приковывает оно к себе. И неудивительно, что произведения Бажова получили и еще получают много художественных интерпретаций. На сей раз три из сказов «Каменный цветок», «Горный мастер» и «Хрупкая веточка», объединенные одной сюжетной канвой, — проиллюстрированы палехскими художниками Григорием Константиновичем Буреевым и Алексеем Викторовичем Ковалевым.

Если говорить о гармонии текста и иллюстраций, об идентичности их характера, о единстве внутренней сути, то хорошим примером может стать «дуэт» — сказы Бажова и палехская миниатюра. Одна и та же основа — русское народное искусство, та же мелодичная повествовательность формы, то же узорочье языка.

Палех — это село художников, раскинувшееся в трехстах километрах на северо-восток от Москвы. В 1924 году силами старых мастеров-энтузиастов здесь была организована Артель древней живописи, насчитывавшая всего около десяти человек. А сегодня тут работает свыше ста пятидесяти живописцев, утвердившихся и прославившихся в своем замечательном искусстве — росписи на папье-маше. В Палехском художественном училище имени А. М. Горького опытные мастера передают свои знания талантливой молодежи. В Государственном музее палехского искусства представлена богатейшая коллекция старинных икон — гордости Палеха, в прошлом одного из наиболее крупных центров Владимиро-суздальской иконописной школы. Основанное на традициях древнерусской живописи, главным образом новгородской и строгановской школ, своеобразное и глубоко национальное современное искусство Палеха своим рождением и расцветом в первую очередь обязано именно искусству иконописания, которым славилось село еще в XVII—XVIII веках.

Полные красоты и изящества шкатулки, коробки, пудреницы, ларцы, украшенные яркими лаковыми миниатюрами, монументально-декоративные панно завоевали Палеху мировой авторитет, став истинно национальной гордостью. Работы палешан с успехом демонстрировались на международных выставках в Париже, в Нью-Йорке, Брюсселе, Вене, Венеции, Милане и других городах мира.

Блестяще показали себя палехские мастера и в области книжной графики. Сделанные ими рисунки к русскому эпосу, к произведениям отечественной классики, самобытные по своему художественно-образному языку, занимают видное место в истории русской иллюстрации.

Художники разных поколений, Буреев (род. в 1900 г.) и Ковалев (род. в 1915 г.) работают вместе уже не первый год. Они создают произ-

ведения на самые разнообразные темы (русский фольклор, история и мирные трудовые будни нашей Родины), участвуют своими работами на периодических художественных выставках и представлены в различных музеях страны.

Бажов заинтересовал их давно. В 1967 году на третьей республиканской выставке «Советская Россия» демонстрировалась их пластина «Медной горы Хозяйка». Для настоящего издания художники выполнили тринадцать пластин-иллюстраций, обложку и форзац, сделали оформление прилагаемой к репродукциям книжки сказов Бажова.

Художники по-разному подошли к иллюстрированию литературного произведения. В одних случаях они сделали серии рисунков на конкретные сюжеты, в других — синтерпретировали весь сказ на одном листе. Последний прием восходит к принципу древнерусских житийных икон. Однако иногда источником художественного решения для них является изобразительная система современной книжной графики. Так, некоторым работам свойственна крупноплановость изображения, нетипичная для палехской миниатюры. В этом можно заметить стремление авторов расширить рамки традиций путем приобщения к современному изобразительному искусству.

Компонуя иллюстрации, Буреев и Ковалев заметно отходят от привычной для палешан симметричности, прибегая подчас к винтообразной композиции, что помогает им наполнить сцену движением (см. листы «Провожание», «Встреча с Катей»).

Яркой чертой палехского искусства является чрезвычайно богатая орнаментика, и настоящие иллюстрации типичны в этом отношении. Очень привлекателен и изыскан орнамент обложки, сделанный золотом и алюминием по красному фону. В своем повышенном интересе к узору Буреев и Ковалев не только покрывают рисунком всю плоскость листа, но и рамки часто делают широкими, заполненными изобретательным растительным орнаментом. Однако увлечение декоративностью в самих иллюстрациях, пожалуй, не всегда бывает оправданным.

В цветовом решении иллюстраций, в их яркости и многоцветье художники верны традициям палехского искусства, но нельзя не заметить в некоторых случаях стремления авторов к поискам иных возможностей. Разнообразие фонов в пределах одной иллюстративной серии нередко приводит к интересному живописному эффекту.

Мы закрываем шкатулку-книгу, прочитав сказы и познакомившись с иллюстрациями. Подкупающие человечностью образов, гармонией цвета и линии, иллюстрации Г. К. Буреева и А. В. Ковалева, без сомнения, явились удачным живописно-пластическим аккомпанементом сказам Бажова, они ввели нас в своеобразный сказочный мир палехского искусства — искусства древнего и истинно русского.

В. Серебряная

Ural fairy-tales by P.P. Bazov   Melodious, unhurried and so capacious in contents, with characteristic combination of phantasy and every-day routine. Tales, praising Labour and Forces of Kindness, and miracles that serve them.

Such is the peculiarity of real work of art: the longer it lives, the more attention it attracts. No wonder that Bazov's works has received many artistic interpretations. This time three of his tales — "Stone flower", "Mining master" and "Fragile little twig", united by one plot outline, have been illustrated by Palekh artists Grigory Konstantinovich Bureyev and Alexey Victorovich Kovalev.

Bazov's tale and Palekh miniature — this "duet" is a splendid example of harmony of text and illustrations, of their identity in character, their "inner core" unity. They have one common base — Russian folk art, the same narrativeness of form, the same language figures.

Palekh is "a village of artists" situated some 190 miles to the North-East of Moscow. In 1924 several old but enthusiastic masters organized "Old painting workshop" here. There were about ten of them altogether. Today more than 150 artists work here, artists who have become wide-known for having perfectly mastered beautiful art: painting on papier mâché. The Palekh art school named after A. M. Gorky has been established where well-known artists pass on their experience to talented pupils. Palekh, in the past one of the most important centres of Vladimir-Suzdahl iconpainting school, is proud of its splendid icon collection that can be seen in the State Museum of Palekh Art. It is the art of icon painting, for which the village had been famous already in the 17–18th centuries, that Palekh is in the first place indebted to for the rise and flourishing of its original and profoundly national art of today, based on traditions of old Russian painting mainly of Novgorod and Stroganov schools.

Gaskets, fancy boxes, powder-cases and small chests, decorated by bright laquer miniatures and full of beauty and refinement, as well as monumental-decorative panels, have brought international fame to Palekh and become real pride of the whole country. Works from Palekh were a great success when exhibited in Paris, New-York, Brussel, Vienna, Venice, Milan and other cities of the world.

Palekh masters have been great at book illustrating as well. Their drawings to Russian epos, to works of Russian classical literature, original by the artistic image-bearing language, have important place in the history of Russian illustration art.

Artists of different generations, Bureyev (born in 1900) and Kovalev

(born in 1915) have worked together for many years and created drawings on the most diverse themes (Russian folklore, history and labour of our people). They participate regularly in art exhibitions and are represented in various museums of the country.

Bazov has interested them for long. Their plate "Mistress of Copper Mountain" was shown at the Third Republican Exhibition "Soviet Russia".

For this publication the artists have made thirteen plates: illustrations, cover and fly-leaf; besides, they have designed the book of tales by Bazov accompanying these illustrations.

The artists have found versatile means of illustrating this work of literature. In some cases they have made series of drawings on separate themes, in other – interpreted the whole tale on one list. The last method goes back to the principles of old Russian icons depicting lives of Saints. However, sometimes the artistic solution is based on modern principles of book drawing. For example, some works are distinguished by close-ups not typical of Palekh miniature. It proves that the authors are striving for expanding the boundaries of traditions by applying achievements of modern art.

When arranging illustrations, Bureyev and Kovalev depart noticeably from usual Palekh symmetry, and that helps them to fill the scene with movement (see "Send-off", "Meeting Katya").

Characteristic feature of Palekh art is very rich ornamentation, and the illustrations presented here are no exception in this respect. The cover ornament – gold and aluminium on red background – is extremely exquisite and attractive. Displaying a keen interest in tracery, Bureyev and Kovalev not only cover the whole plane of the list with drawings, but also often decorate the frame, making it rather broad and filling it with inventive vegetable ornament. However, the passion for decorativeness is not always justified when applied to the illustrations themselves.

The artists remain true to traditions of Palekh art in bright and multicoloured solution of illustrations, but sometimes it becomes obvious that they are looking other ways of expressing themselves. The diversity of backgrounds within the limits of one illustration series often culminates in interesting artistic effects.

We close this fancy box-book. The illustrations by G. K. Bureyev and A. V. Kovalev, touching in their humaneness of images and harmony of colour and line, represent successful accompaniment to Bazov's tales, introducing the reader to the original world of very old and very Russian art – the art of Palekh.

V. Serebryanaya

Иллюстрации к сказам:

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

1. Данило-пастушок
2. Данило-подмастерье
3. Данило за работой
4. Встреча Данилы с Катей
5. «Данилушка пошел, задумавшись . . .
6. Провожание
7. Данило уходит
8. Медной горы Хозяйка

ГОРНЫЙ МАСТЕР

9. Катя за станком
10. Катя в поисках Данилушки
11. Данило у Хозяйки

ХРУПКАЯ ВЕТОЧКА

12. «Мите и самому любо. Ну, как — работа!»
13. П. П. Бажов — певец Урала

Illustration to Tales:

A STONE-FLOWER

1. Danilo, a shepherd
2. Danilo, an apprentice
3. Danilo, at work
4. The encounter of Katya and Danilo
5. Danilushko in meditation
6. Saying good-bye
7. Danilo's departure
8. The Mistress of the Copper Hill

A MINER

9. Katya at a loom
10. Katya in search of Danilushko
11. Danilo at the Mistress of the Copper Hill

A FRAGILE BRANCH

12. Mitya is enjoying his work
13. P. P. Bazhov is a singer of the Urals

П. П. ВАЖОВ
КАМЕННЫЙ ЦВЕТOK

Художники
Григорий Константинович Буреев,
Алексей Викторович Ковалев.

Оформление В. Д. Гончаренко.
Художественно-технический
редактор В. С. Воронина.
Литературный редактор
В. И. Серебряная.
Корректор Е. Е. Ротманская.

Текст печатается по изданию:
П. П. Бажов. Избранные произведения
в 2-х томах. Т. 1. М.,
«Художественная литература», 1964.

Подписано к печати 19/VII-1971 г.
Формат бумаги 60 × 90¹/₈.

Печ. л. 6 + 13 цветных вкладок.

Уч.-изд. л. 7,84. Тираж 25 000.

Изд. № 343166. Заказ 00220. Цена 8 р. 53 к.

Издательство «Художник РСФСР».
Ленинград, Большеохтинский пр., 6, корпус 2.
Типография Кустаннусосакеюхтиэ Юхтейстюэ,
Хельсинки, Финляндия.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖНИК
РСФСР
ЛЕНИНГРАД
1972

